

Эволюция продолжается

Нобелевская речь

Ваши Королевские Величества, достопочтенные члены Шведской академии, дамы и господа!

Понятное дело, что мне, заурядному русскому писателю из простых, каких у нас в России водится столько же, сколько у вас пожарных, Нобелевской премии не видать как своих ушей. Но воздать должное сей славной награде, которой издавна отмечаются высшие достижения духа человеческого, хочется позарез.

Обидно, господа! Больше ста лет существует это самое престижное и непомерно щедрое воздаяние за круглосуточные бдения, головокружительные открытия в области прекрасного, за мужество, выказанное под пытками синтаксисом и токами воображения, за нерушимую верность гуманистическим идеалам, а Россия все сидит при своих пяти Нобелевских премиях, которыми в разное время были удостоены один прямой гений, два "безродных космополита", большевистский угодник и протестант. И главное, за какие такие заслуги перед Богом и людьми? Кто-то (по слухам, на пару с таинственным соавтором) написал сказание о загадочных казаках и, видимо, взял господ академиков экзотикой и сепаратистскими настроениями, другой сочинил лихорадочную сагу невесты из какого быта, да еще исполненную не по-русски, а как будто на эсперанто, третий по преимуществу тем покорила читающий мир, что лютой ненавистью ненавидел большевиков.

Куда смотрит Шведская академия? Ведь за сто с лишним лет, что эта почтенная организация орудует на ниве изящной словесности, Россия явила миру целый сонм гениев, который образуют самые искрометные имена. Один Чехов способен затмить любую национальную литературу, а между тем при жизни у него не вышло ни одной книжки за рубежом, а Лев Толстой (ему отказали в Нобелевской премии буквально за то, что он не любил аллопатов и паровоз), а Горький с его всемирной известностью, даром что местами он все-таки слабоват, а Бабель с его бессмертной "Конармией", а Зощенко, Платонов, Пришвин, Ахматова с Цветаевой... ну и так далее, заключая Пильняком-Вогау, Колбасьевым и Добычиным, о которых на Западе никто даже и не слышал.

Спрашивается: в чем дело? А дело, сдается, в том, что просто-напросто нас не любят, а не любят оттого, что не понимают, а не понимают по той причине, что не хочется понимать, что мы им неинтересны, как аборигены острова Шикотан. Вот сценариста Хемингуэя они полюбили, потому что он писал о понятном: о том, как в Африке охотятся на антилоп, как ловят рыбу в Атлантическом океане, как весело жить в Париже и противно воевать в Италии, как это, в сущности, занятно, что если где-то зазвонит колокол, то обязательно по тебе. Все прочее, что хоть на йоту мудренее сей подростковой белиберды, как правило, остается за рамками понимания и, следовательно, внимания, и даже своему в доску Томасу Манну академики дали Нобелевскую премию не за великую "Смерть в Венеции", а за тягомотных "Будденброков", которых до конца дочитать нельзя. Какой уж тут Чехов со своей "Степью" или "Свирелью", когда, с точки зрения здравомыслящего шведа, по всем без исключения чеховским персонажам, от Каштанки до полкового доктора Чебутыкина, плачет навзрыд сумасшедший дом.

Спору нет: любить нас особенно не за что, тем более что в Европе давно миновались времена Джордано Бруно и Савонаролы, а у нас еще наберется немало любителей пострадать. Мы и вороваты, и плевать нам на правила дорожного движения, и взятки у нас не берут одни парализтики и дошколята, и уж если мы воюем, то до последнего патрона, и нет у нас такой моды — сдавать без боя антикварные города. Но возьмите в толк, господа хорошие: немец может озвереть по указанию свыше, шведы сидят по преимуществу на тефтелях, итальянцы не умеют играть в шахматы, с французами, кроме как о деньгах, не о чем говорить... Однако же романо-германский мир нам бесконечно интересен, ибо мы, русские, публика вообще заинтересованная, и даже бывали случаи, когда сочинения Оноре де Бальзака сначала выходили у нас по-русски, а уж после во Франции по-французски с запозданием месяца в полтора. А вот знал ли, нет ли автор "Человеческой комедии" о существовании русской литературы — это еще вопрос. Скорее всего, не знал. Кабы он имел представление о состоянии нашей изящной словесности, да хоть прочти он на досуге одних гоголевских "Старосветских помещиков", то, надо полагать, бросил бы с горя свое перо.

Такое небрежение тем более обидно, что после Сервантеса, который открыл художественную литературу, как открывают новые планеты, Запад отнюдь не подхватил новации великого испанца и еще лет триста, до самого Марсея Пруста, культивировал приложения к Большой Бри-

танской энциклопедии, исторический роман мальчикового замаха и вариации ископаемого "Сказания о Гильгамеше", приправленные германской рассудительностью над трупом поверженного врага. И только в России, стране снегов и заборов, традиция Сервантеса нашла достойное развитие у писателей и пристальное внимание у читателей, так что смело можно объявить: в течение двухсот лет, от Гоголя до реставрации клана Мамонтовых-Рябушинских, только в России и существовала литература в правильном смысле этого слова, как дело литургическое, как служение человеку через приобщение святых тайн.

Но обласканы Шведской академией отнюдь не мы, а преимущественно писатели романо-германского направления, более или менее достоверно повествующие о терзаниях бедной девушки, которую никто не берет замуж, перипетиях какой-нибудь предвыборной кампании, страстях репродуктивного возраста или про то, как ушлые люди делают деньги из ничего. Оттого-то среди нобелевских лауреатов частенько попадают прямо загадочные фигуры, да вот хотя бы Хенрик Понтонпидан, или Владислав Реймот, или господин Фо; кто такие? почему такое? откуда повывлазили? и вообще, кто из них написал "Муму"?

Между тем настоящая литература озабочена и печется об одной-единственной субстанции — о душе. По-другому и быть не может: она, то есть наша неприкаемая душа, потому представляет собой вечный объект изящной словесности, почему вечный объект анатомии — тело человеческое, а черной металлургии — чугун и сталь. Во всяком случае, вся русская литература от протопопа Аввакума до раскола Союза советских писателей бережно копалась в человеке, исследуя феномен его души. О чем написан лесковский "Очарованный странник"? Вовсе не о злоключениях кавалерийского *коннесера*, а впоследствии послушника, — о душе. О чем эпопея "Война и мир"? Отнюдь не о том, каким образом личность коррелирует с историческими процессами, — о душе. Оттого у нас в России прежде и читали-то, как жили, ибо нет ничего интереснее, трогательнее, заманчивее, чем полное знание о себе. Да еще приобщение святых тайн через литературу прежде внушало читателю благородное беспокойство, поскольку из книг выходило, что все не так просто, как записано в свидетельстве о рождении, и, может быть, существовать надо все-таки с оглядкой на вечное бытие. Да еще художественное слово высоко поднимало человека в его собственных глазах, так как, по здравому рассуждению, он неизбежно приходил к мысли о богоподобии своего брэнного существа, несмотря даже на противную рожу и отвратительный антураж; ес-

ли чиновник 14-го класса, как Саваоф какой-нибудь, способен сотворить из ничего Татьяну Ларину, то и он, будучи чиновником 14-го класса, видимо, тоже некоторым образом Саваоф... Он еще потому придерживался этого убеждения, что верил в Татьяну Дмитриевну больше, чем в знакомую цветочницу, которая торгует тюльпанами за углом.

В общем, за двести лет неустанных трудов наши писатели возвысили свое ремесло до высот белой магии, колдовства и накопили такие перлы и диаманты по департаменту изящной словесности, что не освоить корпус великой русской литературы — значит жестоко обобрать самого себя.

Тем более удивительно, что господам распорядителям Нобелевской премии дела нет до наших сокровищ, и они выискивают по европейским закоулкам что-нибудь такое... не похожее ни на что. Как говорится, бог в помощь, мы себе так и так цену знаем, и нам никакие распорядители не указ. Однако желательно объявить: что-то неладно в Шведском королевстве, это, пожалуйста, имейте в виду, Ваши Королевские Величества, достопочтенные члены Шведской академии, дамы и господа.

Эволюция продолжается

"В этом мире почти никого нет, кроме идиотов и сумасшедших".
Шопенгауэр

Все несчастья от дураков. Сколько бы наши неисчислимые беды ни валили на объективные законы истории, сколько бы ни оправдывали невосполнимые потери и протори неблагоприятным стечением обстоятельств, как бы ни пытались объяснить неискоренимые предрассудки и заблуждения промыслом дьявола, — все несчастья от дураков.

Даром что человечество существует около двух миллионов лет и достигло фантастического прогресса в области науки и техники, додумалось до многих премудростей, исписало мегатонны бумаги, изощрилось в неземной музыке, все дурак представляет собой самый деятельный подвид человека и остается в подавляющем большинстве. Иной раз даже подумается, что на нашей несчастной планете действительно никого нет, кроме дураков, потому что умные люди навострились прятаться, и их не так-то легко найти.

Хотя дурак дураку рознь. Бывают остолопы от природы, по причине превратного обмена веществ, в силу романтических настроений, неполного начального образования, простой человеческой доверчивости и от не-

куда себя деть. Вообще, это очень широкое понятие, "остолоп": человек может запросто помножить четыре на четыре и свободно отличает черное от белого, но в то же время он готов вручить свою судьбу первому попавшемуся прохиндею из разговорчивых, бывает осмотрителен по понедельникам и рассеян по четвергам, и пуще смерти боится тринадцатого числа.

К тому же наивный род людской до того запутали разные глашатаи и рапсоды, что он почитает гениями таких злокачественных болванов, которым по-настоящему разумный человек руки бы не протянул. Вот француз носится со своим Наполеоном, как дурень с писаной торбой, а ведь, по здравому рассуждению, это был просто выдающийся авантюрист, и при этом неумен до такой степени, что вторгся в страну, которую физически невозможно было покорить, обрек на неминуемую гибель полмиллиона своих солдат, велел снять чугунный крест с Ивана Великого, полагая, что он из литого золота, сочинял в Москве предписания парижским театрам, в то время как его воинство тысячами гибло от голода, холода и в огне.

Немцы тоже хороши: 14 000 000 обыкновенных дураков выбрали главой государства необыкновенного дурака, и в результате Германия было перестала существовать.

О наших и говорить нечего; то они в три дня сметут тысячелетнее самодержавие и вручат власть незадавшимся адвокатам, которые и уездом не в состоянии управлять, то они отвоюют Россию у юнкеров в пользу большевиков, а те после устроят им кровавую баню и концентрационный лагерь от Бреста до Колымы, то грудью встанут на защиту демократической республики расхитителей и пройдох; они даже готовы бить в ладоши и прыгать от радости, если им с "высокой трибуны" пообещать бесплатную раздачу провизии и штанов.

И все почему-то истово веруют в лучшее будущее, в то, что грядущая пятница обязательно будет счастливее текущего четверга; то есть не "почему-то", а именно потому, что эти оптимисты суть неизлечимые остолопы, да еще малограмотные и с амбициями, какими некогда слыли наши сельские писаря.

Это правда: кое-какой прогресс налицо, если считать от царя Ирода, — государственных преступников уже публично не жарят на постном масле, вот и паровоз давеча изобрели, а где Платоны и Невтоны XXI-го столетия, предвосхищенные Ломоносовым? где булка за семь копеек? где городовые, которые взятку не берут? ученые барышни, живущие по заповеди "Умри, но не отдавай поцелуй без любви"? где подвижники, герои, бессребреники, книгочеи, рафинированные интеллигенты, которыми некогда

славилась наша Русь? В том-то, выходит, и весь прогресс, что Европу за-полонили дикари с мобильными телефонами, при помощи которых толь-ко предохраняться нельзя, а все остальное можно, включая освоение на-выков грабежа.

Напротив, история показывает: чем дальше, тем хуже, по крайней ме-ре, так же скверно, только на новый лад. Прикажет долго жить император Марк Аврелий, мыслитель и гуманист, а престол унаследует его сын Ком-мод, изверг и законченный идиот. Людовик XVI Бьянэмэ, большой люби-тель слесарного дела, во все свое царствование ни одного человека не от-правил на эшафот, а якобинцы, которые пришли ему на смену, безвинно казнили полторы тысячи человек и бесчисленно священнослужителей уто-пили в Луаре, а Наполеоне Буанапарте сдуру угробил на полях чести чуть ли не половину мужского населения Франции всего лишь на тот предмет, чтобы Англии досадить.

Опять же возьмем Россию: когда-то были бублики за одну копейку ме-дью, семь тысяч повешенных за государственные преступления во всю ис-торию государственности, музыкальные утренники, домашние спектакли, московское произношение и за пять рублей ассигнациями общедоступные иностранные паспорта; потом, при так называемой рабоче-крестьянской власти, была хроническая бескормица, тридцатиградусная "рыковка", партячейки, допросы с пристрастием, которые еще государь Петр III за-претил, выездные комиссии и несочтенные миллионы невинно убиенных по подвалам и лагерям; еще какие-нибудь двадцать лет тому назад в Рос-сии не было нищих, старики ездили к морю отдыхать, а в верховьях Волги водилась стерлядь — нынче рыболовам в радость уклеики и пескари.

То есть решительно непонятно, на чем основан оптимизм наших опти-мистов, в сущности, представляющий собой легкую форму идиотии, тем более что вожделенная демократическая республика, которая наследова-ла режиму большевиков, отобрала у кого работу, у кого настоящую пен-сию, и у огромного большинства — месяц в Крыму, бесплатную медицину, ту же булку за семь копеек и любимую народную телепередачу про "ого-нек". Правда, теперь можно за порядочную мзду выехать хоть к черту на рога, и уже никого не казнят по подвалам за скользкие убеждения, но за-то на улицах отстреливают зазевавшихся прохожих, политиканов и бан-дитов, принадлежащих к недружественным кругам.

Особенно сильно огорчают оптимисты из наших первых социал-демо-кратов, которые жили и орудовали совсем недавно, какие-то сто лет тому назад, когда уже были взрослыми людьми наши прадеды и прабабки, обо-

жавшие Тургенева и слыхом не слыхавшие про "Критику Готской программы" и "Капитал". Еще знаменитый народник-максималист Петр Ткачев серьезно предлагал обезглавить всех подданных Российской империи старше 25 лет, чтобы в стране восторжествовали свобода, равенство и братство, и с тех пор наша социал-демократия все склонялась к экстравагантным методам существования и борьбы. Никто не работал, все носили клочки, как уголовники, жили по подложным паспортам, не женились и не заводили детей, то и дело бегали за границу, грабили банки, отстреливали государственных чиновников — и все того ради, чтобы учредить идеальный миропорядок, основанный на свободе, равенстве и братстве плюс подневольный труд на государство и архаровцы из ЧеКа. Называлась эта конструкция "диктатурой пролетариата", и взрослые мужики с мужеподобными подельниками собирались соорудить ее в стране, где и пролетариата-то, считай, не было, а были 150 000 000 полудиких нищих крестьян, которые сохами кое-как ковыряли землю и объяснялись на испорченном языке.

На что рассчитывали эти инсургенты — понять нельзя. Разве что на чудо — и это чудо произошло; сверхъестественное было чисто русского производства — в феврале 1917 года петроградские бабы, возмущенные перебоями с хлебопоставками, упразднили самодержавие и, в конце концов, власть свалилась прямо в руки большевикам, которые распорядились ею на свой салтык.

Интересное дело: восемьдесят с лишним лет понадобилось для того, чтобы наши тугодумы укрепились в том мнении, что штука не в форме собственности на средства производства, а в дураке; он способен извратить самое благое начинание, и работать-то он по-настоящему не умеет, и пьет без меры, и расточитель, и вороват... Распорядители на Западе поживее будут: например, совсем не много времени потребовалось Уинстону Черчиллю, чтобы сообразить: "Добившись демократии, мы не имеем ничего, кроме войн"; и даже такой недалёковидный злыдень, как Адольф Шикльгрубер-Гитлер уже в ноябре 41-го года признавался своим соратникам: "Напав на Россию, мы толкнули дверь, не зная, что за ней находится", — а так, в общем-то, что у них, что у нас распорядители не ведают, что творят, и разве задним умом крепки, как тот недалекый мужик, который не перекрестится, покуда не грянет гром.

Стало быть, все несчастья от дураков. Этот императив наводит на подозрение, что, видимо, род людской еще очень молод и, по человеческим меркам, ему сейчас примерно тринадцать лет. А что такое отрок в тринадцать лет? Это шалун, бездельник, неслух, немного садист, гулена,

но прежде всего дурак. Он не знает простых вещей, плаксив и вспыльчив, ни во что не ставит жизнь, испытывает безотчетную страсть ко всяческому разрушению и не преминет обидеть того, кто слабей его. Не таково ли человечество вообще, которое со времен руинизации Карфагена демонстрирует сказочное легкомыслие, ратоборствуя за "сена клок", насилуя мать-природу, изнывая от губельного любопытства, сулящего непредсказуемые последствия, самосильно созидавая Царствие Божие на земле? И ведь мало кто задумывается о том, какие монбланы культуры, сколько народов и этносов, соций и государств растворились через эти проделки в вечном небытии. Во всяком случае, поэзия уже ушла из человеческого обихода и, может быть, навсегда.

С другой стороны, принимая во внимание так называемые *задатки*, хотя бы вековечное стремление людей к вящему совершенству, которое обозначилось, например, в отважных, и даже отчаянно отважных социальных экспериментах и целых библиотеках по этике и эстетике, невольно приходишь к заключению, что дело далеко не кончено, и у *homo sapiens* еще многое впереди. Правда, дальнейшее становление человека как именно человека — это процесс путанный, криволинейный и, скажем, в ближайшем будущем народы скорее настрадаются от деволюции, то есть от кризиса культуры и гуманистических начал, составляющих самую нашу суть. Вот не так давно у нас в России сделали шаг назад, в направлении Адама и Евы, похерив социализм, вместо того чтобы сделать из него конфетку, но зато русские пройдут, наконец, школу капиталистических отношений, научатся работать, держать слово, считать копейку, спокойно относиться к чужому добру и "брать на грудь" не больше стакана в день. В свою очередь, Запад за это время, может быть, устанет от вечной гонки, от стремления к наживе во что бы то ни стало, потребительства как фетиша, распрей между хозяином и работником, демократических институтов, которые отнюдь не решают коренных вопросов жизни, и впадет, дай им бог, в меланхолию, предвестницу осмысленного взгляда на бытие. Даже благодушные и немного наивные американцы, которые считают Голливуд культурной столицей мира, может быть, расплюются с кинематографом и призадумаются, как бы им выкроить время Чехова почитать.

Не исключено, что на пути к вящему совершенству человечество ожидают еще и ужасные катастрофы, что лет этак через двести-триста грянет мировой энергетический кризис, электростанции останутся, свет в городах потухнет, заводы замрут, и нужно будет снова печься о лошадях. Тогда компьютеры, навигаторы, мобильные телефоны и прочее железо

окажется на свалке, а в домах у землян явятся стеариновые свечи, дрова, пасьянс и музицирование по вечерам, возродятся позабытый эпистолярный жанр, путешествия *на перекладных*, практика сумерничанья, публичные лекции и все прочее, что некогда было так дорого просвещенному русаку. Но вообще это был бы такой удар по современному способу мышления, что человек невольно угомонился бы как "царь природы", первопроходец самоуничтожения и заметно пошатнулся бы в мнении о себе.

А затем что-нибудь еще экстраординарное произойдет, положим, какой-нибудь новый Менделеев откроет способ добывать энергию из атмосферы или как-то из-под земли, и мало-помалу наладится новый человек, который с испугу не так дорожит комфортом, как выживаемостью культурных традиций, гордится неосязаемым государством, отнюдь не манкирует гужевой тягой и почтовым сообщением, сначала озабочен продолжением рода людского и только потом учетной ставкой на капитал. Словом, как писал Чехов, "Ежели зайца бить, он спички может зажигать".

Дальнейшая эволюция человека, от нынешнего балбеса до более или менее культурного существа, может затронуть даже его физический облик, например, со временем возьмут да исчезнут остатки волосяного покрова, и наши красотки будут носить что-нибудь совсем чудное на головах. Или такой вопрос: зачем человеку будущего десять пальцев на руках, если за него все делают машины, а он только мозгами шевелит, ему и двух пальцев хватит, компьютером заниматься, или даже одного, в носу ковырять.

Но главное — человек неизбежно должен будет... не то что поумнеть, а как-то серьезно очеловечиться в ходе дальнейшей эволюции и в силу объективной необходимости, и потому что у него другого выхода нет — поступательное движение или смерть. Если люди по-прежнему будут делать ставку на "темную лошадку" научно-технического прогресса, потакать маниакально устроенным изобретателям и ученым, которые веками уведут нас в сторону от действительно насущных вопросов существования, если люди по-прежнему будут жить интересами задницы и желудка, вождедея, по примеру древних римлян, только "хлеба и зрелищ", то вырождение *homo sapiens* неизбежно, и он, как саблезубый тигр, рано или поздно исчезнет с лица земли. Недаром дело дошло уже до того, что на футбольных стадионах то и дело разгораются кровавые сражения, стариков походя режут за авоську с продуктами, а благодаря блестящим успехам педиатрии у нас каждый третий ребенок — олигофрен.

В том-то все и дело, что человек замыслен не как субъект прямоходящий и способный подвести газ к избе бабы Нади, а как высшая форма су-

ществования материи, обреченная воплотиться в максимуме возможностей естества. Газом бабу Надю обеспечить — это, конечно, надо, но станет ли она от этого добрее, человеколюбивей, или, как встарь, будет выплескивать помои соседу за забор и материть свою корову Зорьку за то, что она дает неполноценное молоко?

Между тем самые светлые умы прошлого, включая Гоголя и Чехова, издавна чаяли постепенного улучшения нашей породы, идущего в ногу с успехами науки и техники, хотя это и не обязательно, потому что гению ясно, как никому: если наш предок смог возвыситься от Каина до Паскаля, то человек есть совершенство, которому что-то мешает воплотиться в максимуме возможностей естества. Но что именно — вот вопрос: рудимент ли животного начала? каверзный ход истории? или дурь?

Видимо, все же дурь. Даже деревенский юридический понимает, что обижать птичек нехорошо, а форменный дурак ничего не понимает: ни что футбол — это, прежде всего, развлечение для юнцов с дурными наклонностями, ни что растить хлеб в казахской степи будет себе дороже, ни что девятиграммовая пуля — совсем не последний аргумент, ни что Интернет — прибежище идиотов, ни что наша женщина — высшее существо.

Во всяком случае, у нас и поныне процветают спортсмены и пивоварение, а в загоне школа, семейные ценности, искусство и литература, то есть именно то, что напрямую способствует превращению человека по форме в человека по существу. Факт, как говорится, тот, что наш русачок, вопреки предсказанию Гоголя, так и не стал, и покуда не собирается становиться таким же, как Пушкин, феноменом таланта и красоты, а даже наоборот: нынешние по большей части злы, легкомысленны и не знают самых простых вещей.

Это не удивительно, поскольку каково общество, таковы и люди, "какие сани, такие и сами", и оттого мальчики и девочки, нынче гоняющие мяч в свое удовольствие, хоть теннисный, хоть какой, получают со всех сторон баснословные миллионы, а поэты и мыслители без малого рыскают по помойкам и чувствуют себя чужаками в родной стране.

А все почему? — все потому, что покуда безумие правит бал, что наша цивилизация временно ориентирована на подростка и дурака.

Москва

